

УДК 316.6+343.9

© Н. П. Щукина, 2025

Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С. П. Королева
(Самарский университет), Россия

E-mail: nina_shukina@mail.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ: К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Если вы не можете видеть во мне человека,
то вы никогда не будете относиться
ко мне как к человеку.

Д. Р. Райт

Статья основана на обзоре работ российских и зарубежных ученых о личности преступника. При этом в качестве основного метода исследования выступает интегративный обзор специальной литературы с фокусом внимания на наиболее признанных в криминологии теориях, объясняющих связь личности и преступности, подразделяемых на теории структур и процессов. Подчеркивается роль эффекта развития в объяснении связи личности и преступности, тем самым проблематизируется само понятие личности преступника, активно используемое в российской криминологии.

Ключевые слова: криминология «чужого», личность преступника, модель личности Айзенка, преступность, пятифакторная модель Голдберга, ситуационная теория действия, теория самоконтроля.

Введение

Тема взаимосвязи личности и преступного поведения представлена в криминологии на протяжении всей истории развития данной дисциплины [1]. Выходят в свет многочисленные публикации о личности рецидивиста, наркомана-преступника, корыстного преступника, осужденного, террориста и т.п., защищаются диссертации по соответствующей тематике [2–4]. В числе же наиболее цитируемых в отечественной криминологии оказываются, как правило, работы таких ученых, как Ю. М. Антонян, А. И. Долгова, В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. Как в XX в., так и сегодня в науке представлены две точки зрения касательно личности преступника: о том, что таковая

существует и полярная точка зрения. В течение нескольких десятилетий продолжается дискуссия об актуальности самой постановки вопроса о личности преступника [5–7], нашедшая отражение в ежегодно проводимых Долговских чтениях [8]. Согласимся, что отчасти эта дискуссия связана с упорным неприятием представления о том, что нормальные, обычные люди насилиют, убивают детей, отчасти – со стремлением к простым и прямым ответам на сложные вопросы [6].

Вероятно, свое влияние на продолжение и содержание данной дискуссии оказало распространенное в криминологии описание отдельных свойств, черт личности, влияющих на преступное поведение. При этом вне внимания – и нередко – криминологические теории, объясняющие связь личностных черт и преступности. В таком абстрагировании исследователей от современных криминологических теорий свою роль сыграло то, что объяснение преступности – общий уровень объясненной дисперсии – весьма низок. К такому выводу пришли, изучив криминологические теории периода 1968–2005 гг., Д. Вайсбурд и А. Р. Пикеро [9]. Однако за прошедшие затем годы в науке появились новые теории, да и старые были проверены не раз.

Тем не менее и сегодня общим для большинства работ сторонников и противников существования личности преступника является смещение исследовательского интереса с тщательного описания теоретических оснований проводимых исследований – как, впрочем, и методологических – на презентацию полученных результатов [10]. Многие работы о личности преступника приближаются к предмету, как правило, абстрактно или с помощью анализа «уголовных дел», «судебной статистики». В ряде работ говорится об опросах экспертов, осужденных. При этом вне внимания – вопросы о репрезентативности полученных данных, принципах отбора исследуемых документов и т.п. [11, 12]. Что касается теоретических оснований изучения рассматриваемой проблемы, то и в диссертациях с соответствующим названием нередко даже не упоминаются современные криминологические теории [3]. Исследования зарубежных криминологов оказываются нередко «дамой под вуалью». Справедливости ради заметим, что в некоторых работах упоминаются такие криминологические теории, как аномии, обучения и дифференциальной ассоциации, при абстрагировании от обоснования выбора именно данных теорий и того, что сегодня в результате их развития произошли определенные изменения, в том числе в их названии [4].

Возможно, такое положение дел связано с тем, что преступность — «слишком практическая проблема» [13]. Отсюда приоритеты в криминологии отдаются обучению практическим — не исследовательским — навыкам, что сказывается на тематической направленности и качестве проводимых исследований [14, с. 16], а также ведет к недооценке криминологических исследований практиками уголовной политики. Подчеркнем, что данная тема была специально рассмотрена на Долговских чтениях в 2024 г. [15].

Теории в научном дискурсе играют исключительно важную роль. Вспомним в этой связи мысль К. Поппера о предназначении теорий «улавливать то, что мы называем «миром», для осознания, объяснения и овладения им» [16, с. 54]. Более того, знание криминологических теорий — их множества — позволяет и исследователю, и практику уголовной политики предупреждать ситуации попадания в плен собственных иллюзий, предпочтений, опыта на поле планируемой и осуществляющей ими деятельности.

В силу сказанного выше представляется актуальным вопрос о теоретических основаниях изучения взаимосвязи личности и преступности. В этой связи цель настоящей работы заключается в выявлении и анализе особенностей теоретических оснований изучения личности преступника, того, какое влияние оказывают современные криминологические теории на изучение связи личности и преступного поведения.

Объект исследования — сложившиеся практики изучения связи личности и преступного поведения.

Предмет исследования — теоретические основания сложившихся практик изучения связи личности и преступного поведения.

Материалом для настоящего исследования послужили работы российских и зарубежных ученых по теме взаимосвязи личности и преступности. При этом в качестве основного метода настоящего исследования выступает интегративный обзор специальной литературы. Суть данного метода заключается не в сборе и оценке всей совокупности проведенных исследований, а в объединении перспектив и идей из разных исследовательских традиций.

Интегративный обзор специальной литературы проводился по следующим критериям:

- 1) временные границы разработки и применения теорий (1960-е гг. — настоящее время);
- 2) упоминание и анализ в отбираемой литературе теорий, объясняющих связь личности и преступности;

3) фокус внимания — на наиболее признанных в криминологии теориях, объясняющих связь личности и преступности.

Результаты исследования

К настоящему времени разработан целый ряд теорий, объясняющих связь личности с преступностью, и многие из этих теорий являются теориями черт [13]. Согласимся, что идея влияния черт личности на ее решение участвовать в преступных действиях вполне реалистична. Вместе с тем нельзя не согласиться и с тем, что, говоря о связи личности и преступности — доминирующего в науке вопроса [17], важно определиться с существенными характеристиками самой дефиниции личности. Поэтому вслед за Изабель Тильманн — лауреатом премии Шарлотты и Карла Бюлера Немецкого психологического общества 2024 года — сосредоточим внимание на основных составляющих личности: ее чертах [17], под которыми будем понимать «относительно устойчивые модели мыслей, чувств и поведения, отражающих тенденцию реагировать определенным образом при определенных обстоятельствах» [18, р. 140]. В данном определении есть три ключевых аспекта:

1) черты личности и стабильны, и пластичны одновременно: они относительно устойчивы, в то же время, согласно метааналитическим данным, они могут меняться;

2) черты личности описывают склонности индивидов думать, чувствовать и действовать определенным образом: они проявляются не только в наблюдаемом поведении, но и в мыслях индивидов (убеждениях, идеях) и чувствах (эмоциях, настроении), то есть они не детерминируют поведение, а говорят о вероятности определенного поведения;

3) черты личности не раскрываются в вакууме, они проявляются во взаимодействии с окружающей средой или в ответ на нее [17].

Однако такая особенность черт личности была обнаружена далеко не сразу. Остановимся несколько на том, как происходило обнаружение этих особенностей черт личности в науке.

Заметим, что большое разнообразие черт личности, описанное в свое время в науке, и отсутствие в ней согласия о том, как организовать или структурировать это разнообразие, вероятно, и стало одним из факторов скептицизма относительно полезности личности для объяснения преступности.

Знаковую роль в оспаривании такого скептицизма сыграли исследования Г. Айзенка и Л. Голдберга, показавших, что «вселенная

значимых черт личности» может быть охвачена тремя — пятью измерениями личности¹. В теории Айзенка были выделены три основных личностных черты: невротизм, экстраверсия и психотизм, названные ученым уникальным набором характеристик личности [19]. Его исследования подтвердили связь между этими чертами личности и преступностью: люди с высоким уровнем экстраверсии и невротизма могут быть более склонны к преступному поведению из-за их склонности к импульсивности и эмоциональной нестабильности. Критики данной теории отмечали, что большая часть используемых в ней данных получена с помощью самооценки, отличающейся склонностью к предвзятости, к высказыванию социально желательных позиций, тем самым к нечестности, а также отсутствию самоанализа. Полемизируя с этими критиками, Айзенк выразил надежду на полезность своей теории и ее развитие в последующих работах, подчеркивая, что научные концепции не являются правильными или неправильными; они полезны или бесполезны [20, р. XII].

В последние годы наиболее принятой и представленной в «впечатляющем количестве исследований» [21] является пятифакторная модель личности Л. Голдберга [22]. Данная модель представляет собой набор из следующих измерений черт личности: доброжелательность, добросовестность, открытость опыту (иногда называемая интеллектом), экстраверсия и невротизм. Как видим, модель Голдберга включает экстраверсию и невротизм, определяемые аналогично тому, как это сделано в теории Айзенка [21]. В совокупности эти пять личностных характеристик предсказывают многочисленные важные жизненные результаты и могут объяснять устойчивые модели мышления, чувств и поведения в разных ситуациях [23].

Несмотря на рост консенсуса касательно теории большой пятерки, ее критики обратили внимание на абстрагирование Голдберга от учета сложности человеческого поведения и развития личности; как и в случае с теорией Айзенка, критиковался акцент Голдберга на самоотчетах при сборе эмпирического материала. Обращалось внимание и на риск чрезмерно детерминистической трактовки результатов проводимых исследований, ведущий к недооценке способности людей к изменениям и адаптации.

Тем не менее именно импульсивность в разных контекстах обозначалась все чаще как одна из ключевых черт личности или как

¹ Теории Г. Айзенка и Л. Голдберга не являются «чисто» криминологическими, но применяются в криминологии, в том числе при разработке научных теорий, например, социального контроля и самоконтроля.

самая важная ее черта, а неоднократные метааналитические исследования показали связь между импульсивностью и правонарушениями [21]. Было выдвинуто немало теорий, объясняющих такую связь. Остановимся в этой связи на «общей теории преступности», или теории самоконтроля М. Готфредсона и Т. Хирши (1990 г.), — наиболее известной и влиятельной в криминологии теории черт личности [24]. Успех данной теории в объяснении преступности, как писали некоторые ученые, затмил результаты исследований, основанных на психологических моделях личности, устанавливающих постоянные связи между чертами личности, отличными от самоконтроля, и правонарушениями [25]. Кстати сказать, данная теория стала одной из самых цитируемых в ведущих криминологических журналах (по данным [23] к концу 2018 года она насчитывала около 12 000 цитирований); были опубликованы сотни эмпирических статей, проверяющих ее [6, 23, 26, 27].

В данной теории, как и в теории социального контроля Т. Хирши, дается ответ на вопрос «Что удерживает большинство людей от совершения преступлений?». И таким ответом является «самоконтроль», отсутствие которого определяется как основная причина преступности [28]. Кстати сказать, труд авторов данной теории стал классикой криминологии [23], активно внедряясь в уголовную политику¹.

Ответим на вопрос: «Какие же смыслы вкладывают ученые в понятие самоконтроля?». Самоконтроль определяется Готфредсоном и Хирши как «дифференциальная тенденция людей избегать преступных действий независимо от обстоятельств, в которых они находятся» [28, р. 87]. Это «способность откладывать краткосрочные выгоды в пользу долгосрочных личных и коллективных интересов» [29, р. 537]. В свою очередь, низкий самоконтроль — «стремление к краткосрочному, немедленному удовольствию» [28, р. 93] — «единственная устойчивая личностная характеристика, предсказывающая преступное ...поведение» [28, р. 111].

Основные составляющие низкого самоконтроля, согласно анализируемой теории, включают в себя импульсивность (склонность действовать под влиянием сиюминутных стимулов, эмоций, без обдумывания своих поступков); стремление к риску; близорукость; низкая толерантность к фruстрации (расстройство планов, раздражительность); эгоцентризм; предпочтение физической активности.

¹ М. Готфредсон и Т. Хирши сформулировали ряд рекомендаций по политике контроля преступности, которые подробно представлены в работе [29].

Люди с низким самоконтролем, как правило, живут здесь и сейчас, стремясь к «деньгам без работы, сексу без ухаживаний, мести без судебных проволочек» [28, р. 89]. При этом постулировалось, что преступление может произойти только тогда, когда склонность к преступлению совпадает с возможностью, и что для большинства видов преступлений существует множество возможностей.

Основываясь на эмпирических наблюдениях, Готфредсон и Хирши обнаружили существование сильной корреляции между преступным поведением и возрастом: ими был сделан вывод об уникальности процесса социализации детей от рождения до 8–10-летнего возраста, во многом зависящего от отношений ребенка с его родителями, опекунами, играющими важную роль в формировании самоконтроля. Будучи сформированным, самоконтроль остается относительно стабильным на протяжении всей жизни. Вмешательство в детском возрасте дает наибольшую надежду на успех в снижении преступности.

Несмотря на популярность данной теории, ее критики обращают внимание на более широкий социальный контекст формирования самоконтроля и межиндивидуальных различий среди детей, включая соседство, сверстников, школы и т.д. Самоконтроль нестабилен после детства, внутрииндивидуальные уровни и межиндивидуальные рейтинги самоконтроля продолжают меняться в подростковом возрасте и взрослой жизни, например, в процессе освоения профессий, создания семьи. Иными словами, самоконтроль, как и другие черты личности, подвержен влиянию окружающей среды в любом возрасте [23]. Многие преступления не являются результатом импульсивного принятия решений, которое и оказалось, по сути, в фокусе внимания авторов теории самоконтроля. Согласимся с критиками анализируемой теории и в том, что различные ситуации влияют на такие процессы, как обдумывание последствий, например, принятие решения, проехать или не проехать на красный свет, опаздывая на работу.

Словом, представление о самоконтроле как о черте личности, предполагающей ситуативно-специфические отклонения как просто шум или ошибку, является упрощенным. Люди не действуют, исходя исключительно из наличия (отсутствия) высокого уровня самоконтроля. Ситуативные обстоятельства, например, «эмоциональность ситуации», могут свести на нет способность к самоконтролю. Таким образом, критика теории самоконтроля способствовала направлению внимания исследователей на ситуационные факторы преступности, что способствовало появлению ситуационной теории действия П.-О. Викстрэма, являющегося почетным профессором Кем-

бриджского университета, удостоенным ряда престижных наград в области криминологии.

Теория Викстрема – это общая теория преступности¹, определяющая то, как индивидуальные и ситуационные факторы влияют на вероятность преступного поведения. Если раньше теории сосредотачивались, как правило, либо на склонности людей к преступности, либо на криминогенных стимулах окружающей среды, то в данной теории эти два основных криминологических подхода были объединены в анализе преступности и ее причин [30, р. 179]. Викстррем солидаризируется, с одной стороны, с признанием теории самоконтроля как одной из самых популярных криминологических теорий, с другой – утверждает, что самоконтроль – это не черта личности, что «проявление самоконтроля возможно только в тех случаях, когда человек обдумывает альтернативы действий» [31, р. 101].

Согласно теории Викстрема, люди – продукты общества, в котором они живут и как таковые следуют общественному договору, установленному в «нормах» их общества. Преступление – это акт нарушения моральных норм, определенных в уголовном праве [31, р. 63]. Ожидается, что вероятность совершения преступления достигает пика, когда человек с сильной склонностью к преступлению оказывается в обстановке, способствующей его совершению. Ученым подчеркивается, что люди различаются по своим личным моральным правилам (представления человека о том, что правильно или неправильно в конкретной ситуации), а условия – по моральным нормам (общие правила поведения). Законы – это один из типов моральных норм, и в анализируемой теории именно актам нарушения законов уделяется основное внимание [31]. Склонность человека к преступности определяется личными моральными правилами и способностью к самоконтролю. Самоконтроль, согласно теории Викстрема, – это моральное управление побуждениями к правонарушению, присущее в конкретной ситуации; иначе говоря, самоконтроль – это и свойство личности, и ситуационная активность [32]. Предполагается, что люди воздерживаются от нарушения моральных норм, когда заметные внешние сигналы (например, присутствие полиции, камеры видеонаблюдения или би-

¹ Разработана П.-О. Викстремом (2004 г.), впоследствии усовершенствована им и Трайбера (2018 г.). Новейшая формулировка теории, включая ее сравнение с другими основными криминологическими теориями (социальных связей и самоконтроля, дифференциальных ассоциаций и научения, рационального выбора), представлена Викстремом и его коллегами в работе 2024 года.

тельные граждане) внушают страх наказания. Если моральные правила обеспечиваются посредством самоконтроля действующим лицом, то моральные нормы – значимыми другими. Таким образом, поведение человека – это результат выбора различных вариантов поведения, порождаемого окружающей его средой, вместе с тем обусловленного его личностными особенностями. Например, проведение ночи в ресторане предоставляет множество возможностей для людей выразить свой уровень принятия разного рода рисков (например, пить крепкий алкоголь, флиртовать с незнакомкой) [17].

Таким образом, люди осуществляют свободу воли в рамках ограничений, обусловленных выбором, управляемым моральными нормами. Преступление происходит, когда руководящие моральные правила и нормы в конкретной ситуации противоречат друг другу. Ситуация же – часть окружающей среды: то, чему непосредственно подвергается индивид: другие люди, объекты и события. Люди разные, и места разные, и именно их конкретная комбинация порождает воспринимаемые ими альтернативы действий, направляя выбор, делаемый в отношении мотивации. Иными словами, ситуация – это мотивация людей и связанное с этим восприятие альтернатив действий в сделанном индивидом выборе действий [30]. Это важное отличие в понимании ситуации, не сводимое к непосредственному окружению, как это делается в экологическом детерминизме. Ситуация – это результат взаимодействия между особенностями обстановки и индивида. Разные ситуации позволяют выражать разные аспекты личности. Сказанное было проверено в ходе ряда эмпирических исследований¹.

Резюмируя сказанное касательно теории Викстрема, подчеркнем ее динамический характер: в ней описывается процесс становления мотивированного индивида, превращающегося из законопослушного гражданина – в силу сложившейся ситуации – в нарушающего моральные нормы преступника. Ситуации обеспечивают основу для выражения черт личности [17].

Несмотря на критику, которая включала в себя невозможность учитывать внешние факторы воздействия на индивида (которые с трудом поддаются учету), а также сосредоточение внимания на результате выбора, делаемого индивидом, при фактическом абстраги-

¹ Например, основные положения теории были проверены в британском лонгитюдном исследовании развития подростков и молодежи в Питерборо: изучалось влияние социальной среды на поведение 700 молодых людей возраста 12–17 лет – пика вовлеченности молодых людей в преступность (см. работу [35]).

рований от объяснения механизмов, запускающих процесс данного выбора, теория Викстрема продемонстрировала, что, систематически собирая эмпирические данные, ученые могут предсказывать поведение и объяснять преступность, начиная от мелкой уличной преступности и заканчивая крупномасштабными преступными действиями «белых воротничков» и транснациональной преступностью.

Заключение

Резюмируя сказанное выше касательно связи личности и преступности, подчеркнем, что и сегодня данная тема в объяснении преступности остается дискуссионной. Ход данной дискуссии связан с развитием криминологических теорий, которые можно подразделить на теории структур и процессов. Действительно, теории личности подразумевают, что личность – это определенная система характеристик, выражающих идентичность и социальные ценности людей; в то время как в теории ситуационного действия подчеркивается роль социализации и влияния окружающей среды. Личность не что-то законченное, а длительный, сложный и противоречивый процесс ее формирования и развития [33]; причем развитие продолжается на протяжении всей жизни. В ходе данного процесса внутренние и внешние факторы, биологические и социальные, взаимодействуют друг с другом, и роль их меняется на разных этапах социализации. Этот процесс всегда связан с самооценкой, самосознанием и самообразованием. Иначе говоря, крайне важен и в исследовательской, и, разумеется, в практической деятельности учет эффекта развития, в частности, возраста как фактора предрасположенности (непредрасположенности) к преступному поведению [34].

И последнее: разумеется, необходимы дополнительные исследования связи между конструктами личности и преступности. Криминология «чужого» – сравнительно новое направление научных исследований – могла бы сыграть свою роль в этих исследованиях. Сказанное представляется крайне важным – и в исследовательской, и в практической деятельности – в аспекте предупреждения процессов маркировки определенных социальных групп как отличных от «нас» или неполноценных, тем самым и в аспекте «гуманизации» уголовной политики.

Литература

1. Jolliffe D., Farrington D. P. Individual differences and offending // The SAGE Handbook of Criminological Theory. 2010. Р. 40–55. DOI: 10.4135/9781446200926.n3.

-
2. Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно исполнительное исследование: 12.00.08. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2014. 345 с.
3. Кургузкина Е. Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: 12.00.08: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 423 с.
4. Магомедов Н. Н. Личность преступника-взяточникополучателя: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н. Н. Магомедов. М., 2013. 205 с.
5. Andrews D. A., Wormith J. S. Personality and Crime: Knowledge Destruction and Construction in Criminology // Justice Quarterly. 1989. Vol. 6 (3). P. 289–309. DOI: 10.1080/07418828900090221.
6. Reid J. A. Crime and Personality: Personality Theory and Criminality Examined // Criminology. 2011. Vol. 3. № 1. P. 1–4. URL: inquiriesjournal.com.
7. Hurezan L., Turi A., Ion A. et al. Dark and bright personality dimensions as predictors of criminal behavior and recidivism // Sci Rep. 2024. Vol. 14. P. 18565. DOI: 10.1038/s41598-024-69288-5.
8. Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения): сб. материалов III Всеросс. науч.-практ. конф.) / науч. ред. В. В. Меркуьев, Ю. А. Тимошенко. М., 2023. 676 с.
9. Weisburd D., Piquero A. R. How Well Do Criminologists Explain Crime? Statistical Modeling in Published Studies //Crime and Justice. 2008. Vol. 37. № 1. P. 453–502. DOI: 10.1086/524284.
10. Щукина Н. П. Личность преступника в ракурсе криминологии осужденных // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения): сб. материалов III Всероссийской науч.-практ. конференции / Науч. ред. В. В. Меркуьев, Ю. А. Тимошенко. М., 2023. С. 441–449.
11. Ахунов Д. Р. Криминологический анализ личности преступника, совершающего коррупционные преступления в условиях городской агломерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 3 (53). С. 64–70. DOI: 10.37973/KUI.2023.27.49.001
12. Зорькина А. А. Криминологическая характеристика личности медицинских работников, совершивших коррупционные преступления // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11. № 1. С. 70-74.
13. Donnermeyer J. F., DeKeseredy W. S. Thinking critically about the corporatization of the ivory tower // The Critical Criminologist. 2018. Т. 26. №. 2. P. 12–21.
14. Долгова А. И. Личность преступника как криминологическая проблема // Личность преступника и ее криминологическое изучение / Под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. 195 с.
15. Методология и методики проведения криминологических исследований и экспертиз (Долговские чтения): сб. материалов IV Всероссийской науч.-практ. конференции / Науч. ред. В. В. Меркуьев. М., 2024. 660 с.

16. Поппер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2005. 447 с.
17. Thielmann I. (Re)Considering Personality in Criminological Research // Crime and Justice. 2023. Vol. 52. DOI: 0.1086/726781. URL: <https://gwern.net/doc/crime/2023-thielmann.pdf>.
18. Roberts B. W. Back to the Future: Personality and Assessment and Personality Development // Journal of Research in Personality. 2009. Vol. 43. № 2. Pp. 137–45.
19. Ozer M., Akbas H. The Relevance of Personality to Criminal Behavior // Criminal Behavior – The Underlyings, and Contemporary Applications. / Academic Editor Sevgi Güney. 2023. 258 p. DOI: 10.5772/intechopen.1001836.
20. A Model for Personality / Ed. by H. J. Eysenck. New York, 1981. 287 p. DOI: 10.1007/978-3-642-67783-0.
21. Farrington D. P., Jolliffe D. Personality and Crime // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Second Edit. 2015. Vol. 17. Pp. 774–779. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.45032-4.
22. Shkembi F., Treska V., Xhomara N. Standardization and the Impact of Big 5 Factor Personality. Test Subscales on Achievement // British Journal of Psychology Research. 2024. Vol. 12. № 2. Pp. 35–53.
23. Burt C. H. Self-Control and Crime: Beyond Gottfredson and Hirschi's Theory // Annual Review of Criminology. 2020. Vol. 3. Pp. 43–73. DOI: 10.1146/annurev-criminol-011419-041344.
24. Wiebe R. P. Using an expanded measure of self-control to predict delinquency // Psychology, Crime and Law. 2006. Vol. 12. № 5. P. 519–536.
25. Gelder J.-L., Reinout E. de Vries Traits and States: Integrating Personality and Affect into a Model of Criminal Decision making Traits and States: Integrating Personality and Affect into a Model of Criminal Decision Making // Criminology. 2012. Vol. 50. № 3. P. 637-671. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2012.00276.x.
26. Cohn E.G., Farrington D. P. Changes in the Most-Cited Scholars in Twenty Criminology and Criminal Justice Journals between 1990 and 1995 // Journal of Criminal Justice. 1999. Vol. 27. P. 4345–4359.
27. Гомонов Н. Д., Труш В. М., Тимохов В. П. Плюсы и минусы общей теории преступности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 5. URL: <http://e-koncept.ru/2019/193035.htm>.
28. Gottfredson M. R., Hirschi T. A. General Theory of Crime. Stanford, CA: Staaford University Press, 1990. 297p.
29. Gottfredson M. R. Self-Control Theory // The Blackwell Encyclopedia of Sociology. 2007. DOI: 10.1002/9781405165518.wbeoss070.
30. Wikström P-O. H., Kroneberg C. Analytic Criminology: Mechanisms and Methods in the Explanation of Crime and its Causes // Annual Review of Criminology. 2022. Vol. 5. P. 179–203. DOI: 10.1146/annurev-criminol-030920-091320.
31. Wikström P.-O. H. Individuals, settings, and acts of crime: situational mechanisms and the explanation of crime // The Explanation of Crime: Context,

Mechanisms, and Development / Edit. by P.-O. H. Wikström, R. J. Sampson. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 61–107.

32. Wikström P.-O. H., Oberwittler D., Treiber K., Hardie B. Breaking rules. The social and situational dynamics of young people's urban crime. Oxford: Oxford University Press, 2012. 512 p.

33. Nhi P. A. Some theories on the process of forming the criminal's personality // International Journal of Health Sciences. 2022. Vol. 6. № 1. P. 8344–8354. DOI: 10.53730/ijhs.v6nS1.6922.

34. Baker L. A., Tuvblad C., Raine A. Genetics and Crime // The SAGE Handbook of Criminological Theory. 2010. P. 21-39. DOI: 10.4135/9781446200926.n2.

35. Wikström P.-O. H. Explaining Crime and Criminal Careers: the DEA Model of Situational Action Theory // J Dev Life Course Criminology. 2020. Vol. 6. P. 188–203. DOI: 10.1007/s40865-019-00116-5.

Статья поступила в редакцию 17.09.25 г.

*Рекомендуется к опубликованию членом Экспертного совета
канд. социол. наук, доцентом Т. П. Карповой*